
СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МЕТЕЛИ

О поэзии Дмитрия Мизгулина и Андрея Шацкого

Так получилось, что на лекции – я преподаю в университете – зашла речь о поэзии Дмитрия Мизгулина. Случилось это перед самым звонком, и осталось чувство какой-то незавершенности. После работы заглянул в книжный магазин. Подошёл к непопулярному ныне отделу поэзии. И увидел новую книгу: Андрей Шацков, “Осенняя женщина”. Стихи поэта знакомы мне давно, рванул сборник с полки, пошёл на кассу. Цена, правда, резанула по нервам: 180 рублей за маленькую книжицу. Такова ныне цена лирики в Ханты-Мансийске. Вероятно, от этого любовь к поэзии у народа будет расти обратно пропорционально инфляции и падению цен на DVD с голливудской стряпней. Ну да шут с ней, с ценой. За хорошую книгу денег не жалко. Дома с ходу начал читать и вдруг почувствовал продолжение разговора со студентами в аудитории. Художественный мир Шацкого оказался созвучен миру Мизгулина. Нет, они не повторяли друг друга, их строфы были созвучны, сотканы над одними заснеженными русскими полями, пронизаны одними ветрами. Даже ритмика – как совпадение биения сердец. И, как основа, спасительный дух Православия, помноженный на лучшие образцы русской традиции и собственный голос. Образные системы Шацкого и Мизгулина не совпадают, но родственны, как могут быть похожи два облака в одном квадрате неба: напитаны одной краской, но выглядят по-разному. Их роднила особая прозрачность. Строфы переплетались, как ноты тонического аккорда, без малейшего диссонанса и обертона.

Ощущение созвучия двух поэтов пришло на морозной ноте русской зимы:

*Какая долгая зима,
Какая горькая кручина,
Какая веская причина
От зазимков сойти с ума.*

Андрей Шацков

*Такие нынче холода
Стоят в России, что — беда...
Промёрзло озеро до дна,
Промёрзли солнце и луна,
Насквозь промёрзли небеса,*

*Окоченевшие леса
Не ждут пришествия весны,
Застыли помыслы и сны,
Тускнеет в окнах жёлтый свет,
И жизнь вот-вот сойдёт на нет...*

Дмитрий Мизгулин

В какой-то момент я понял, что они так близки, что могут продолжать друг друга:

*Дымится мгла морозного тумана,
И первый снег отяжелил листву.
И то, что было призрачно и странно,
Отныне проступает наяву...*

Д. Мизгулин

*Опять зима за наши за грехи
Великие, и те, что весят мало.
Я достаю из ящичка устало
Написанные к случаю стихи.*

А. Шацков

*И сколько мне ещё в пути осталось
Брести среди заснеженных могил...
Когда-то Русь и пела, и смеялась,
А нынче даже плакать нету сил.*

Д. Мизгулин

*И может, мне за что-то повезет
Прожить от одиночества до лета,
Которое пребудет — и поэта
От хлада одиночества спасёт.*

А. Шацков

Это первые и последние строфы одного стихотворения у каждого. Какая знакомая любому русскому — родная хандра! Её бы длить гомеровским гекзаметром, слагая, как эпос, над такими разными, но одинаково бесконечными просторами русской Евразии. Ан нет! Выстреливают ямбом и хореем, близким к народной песне. И всё же одиночество Мизгулина несёт в себе надежду Православного оптимизма:

*А зима — неожиданно, вдруг...
Закружив, налетели метели,
Упорхнула синица из рук,
А потом — журавли улетели.*

*Одиноко и тихо в ночи,
И не плачется мне и не пьется.
Лишь огонь неугасимый в печи
Пылко пляшет и глухо смеётся.*

*Станет весело мне и тепло,
Всё же зиму встречаю в берлоге.
То ли с дымом печным унесло
Все печали мои и тревоги?*

*Грех унынья оставь навсегда,
И удача к тебе повернётся.*

*И синица родная тогда
Из-за синего моря вернётся.*

Ранний Мизгулин ещё более оптимистичен:

*Мало ли, что выпал снег.
Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег.
Посмотри в лицо надежде.*

(1980)

Разумеется, в этой строке зима выступает символом очищения и обновления. Зато у русской зимы Шацкова великая жизнелюбивая неотвратимость (“... О сколько нежности и лени / В снегах, летящих без конца...”), хотя “русское пространство, надсадно кашляя пургой”, способно похоронить в себе и врага и друга. На него нельзя натянуть кривую ухмылку западной цивилизации или хитрый прищур Востока. Его нельзя изменить, как нельзя изменить вечность. Оно есть, потому что так решил Бог. Именно так русская зима звучит в ответе сибирского ямщика Чехову в его очерках из Сибири:

– Отчего у вас в Сибири так холодно?

– Богу так угодно! – отвечает возница.

И у Шацкова:

*Но Божьим промыслом хранимо
Из края в край, из века в век...
Над всей землёй неумолимо,
Неотвратимо падал снег!*

И эхом строфе Тютчева оба поэта отвечают через завьюженные дали и прыгающее галопом от стужи время:

*На Сретенье — лужи, на Пасху — пурга.
То степи, то чащи лесные.
Что скажешь? — “Россия —
и вся недолга!”
Что сделаешь? Это — Россия.*

А. Шацков

*Пурги безверья не унять.
Нет ни желанья, ни воли.
Умом Россию не понять,
А если нет ума — тем боле...*

Д. Мизгулин

Не унисон, но дуэт. В одном ладу, в одной тональности, по законам русской гармонии.

В стихах Мизгулина и Шацкова много настоящего снега. Зима легко вторгается в весенние, осенние и даже летние пейзажи поэтов, потому как имеет в России особый статус.

Зима предстает как особое константное пространство русского космоса, в котором, кажется, движется только снег. Медленно или быстро... падает или выюжит... “Когда метель по-птичьему крылата” — по Шацкову.

Метели Мизгулина ведут к душевному покою.

*Январь. Середина недели.
Стою посредине зимы.*

*Здесь властвуют злые метели.
Здесь — царство заснеженной тьмы.*

*Пуškai беспросветно пространство,
Пусть тускло мерцает луна,
Я нынче ценю постоянство
Полярного долгого сна...*

И этот сон продолжается уже в другом видении зимней ночи:

*Понемногу унялось сомненье.
Снег плывет в пространстве, не спеша.
И луны морозное свеченье
Восприимлет скорбная душа.*

Зима — это выражение особого постоянства, некое стержневое состояние. Она в буквальном смысле вмерзла в русскую культуру. Или наоборот — культура протаяла в неё, в эту вечную мерзлоту. Она настолько значительна, что нам приходится делить с ней свои военные победы. Её не с чем сравнить по отношению к другим странам, ибо — либо нет таких пространств, где время года выражало бы себя так обширно и всеобъемлюще, либо нет таких природных явлений, которые поглощали бы столько пространства и времени, придавая последнему невозможный для него “status quo”. Русская зима обостряет чувство космоса, вселенское чувство. Так и хочется перефразировать: зима в России больше, чем зима.

Их стихи рождаются из русской зимы, как морозные узоры на стёклах, как пушистый иней на ветвях, как клубящееся паром дыхание. Зима — это просападосис русской поэзии. Но это не просто кольцевая, это спираль, одна часть которой тонет в сугробах, а другая ввинчивается в стылое небо. Зима и муза в русском понимании становятся паронимией. То ли муза в образе зимы, то ли зима, как капризная муза, питающая художественный мир противоположными по значению образами, иногда противостоящими. С одной стороны, это образы зимнего очищения, с другой — бесконечная, порой убийственная, звёздная ночная стынь в противовес микрокосму человека, нуждающемуся в тепле, обостряющая сезонную хроническую болезнь — одиночество поэта. Передавать с помощью природных явлений собственное настроение и настроение всего окружающего в художественной литературе не ново. “Мороз и солнце! День чудесный!” у Пушкина. “Февраль, достать чернил и плакать...” у Пастернака. И на новом витке поэтической спирали:

*Февраль снаружи и внутри,
И ночь — черным-черна.
Едва мерцают фонари
И звезды. И луна.*

*Я ощущаю новый век
С тревогой неземной.
И вперемишку — дождь и снег
Овладевают мной.*

Д. Мизгулин

Русская зима — не военная хитрость для “забредших” под Москву французов и немцев. Это полгода бытия! Это половина русской истории. И эта половина пропеваётся в стихотворении Андрея Шацкого “Зима над Россией”, где зеркальный — самоотраженный образ зимы обретает, собственно, смысл истории:

*Когда над Россией сгущается тьма
И льдом затянулись затоны,
Когда колесит издалече зима
И в такт громыхают вагоны,*

*Когда бесконечны унылые дни
И после “Прощанья славянки” —
Огни, полустанки и снова огни,
И снова в огнях полустанки...*

.....
*Ни Гришка Распутин, ни Тушинский вор
Тобой не управят вовеки.
И птицы весной возвратятся на двор
И тронутся стылые реки.*

Образ всепроникающего вселенского холода растапливается у русских печей знакомыми картинами домашнего уюта:

*Непроглядны сумерки под елками.
В таинстве рождественской ночи
Холода сквозят меж рамы щелками,
Щелкают поленьями в печи.*

А. Шацков

*Где пахнет жареной картошкой,
Где стынет чайник на плите,
Где жизнь проходит понемножку
В предновогодней суете.*

Д. Мизгулин

Ибо русский человек знает, что делать при наступлении холодов. Снова процитирую Дмитрия Мизгулина:

*Какая осень! после бани
С устатку выпью двести грамм.
Пора, пора готовить сани,
Пора готовиться к снегам.*

*Поверишь — целый день в заботах,
Так что кружится голова —
Покрасил заново ворота,
С размахом напил дрова,*

*Сушу грибы, варю варенье
И не боюсь пропасть во тьме.
Готовлюсь, не спеша, к забвенью,
Как к продолжительной зиме.*

И тогда:

*Но в сугробы страхи и сомнения
Опадут, как прошлого листва
В полночи высокое мгновение
Светлого начала Рождества.*

А. Шацков

Ожидание весны и праздник её прихода — это особое поэтическое состояние.

*Брызжет даль белизною и паром.
Свежий воздух пьянит, как первач.
По поляне блестящим гусаром
Проскакал одуревший косач.*

А. Шацков. “Март”

*Предрассветное чувство беды
Вдруг исчезнет, как сумрак тумана
В час, когда тихоходные льды
Растворятся во мгле океана.*

Д. Мизгулин “Весна”

Для обоих поэтов особую роль играет Санкт-Петербург. В судьбе и в поэзии каждого. Опять же – северная столица. Шацкову “...чудится айсбергом Питер / На масляной Невской воде”. А есть ещё в этом сборнике “Декабрь в Ленинграде” и “Северо-западная элегия”. Для Мизгулина Петербург – вторая Родина. Петербург Мизгулина населён предшественниками:

*Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский.
С крыш вода на тротуар течет...
Отставной поручик Достоевский
По притихшей улице идет.*

А ещё здесь же Пушкин, Рылеев, Тютчев, Грибоедов, Фет, Бестужев-Марлинский...

Поэтам либеральной ориентации о любви к Родине говорить стыдно. В буквальном смысле, будто украл чего. Да и по статусу не положено. Правда, часто от них приходится слышать, что они тоже любят Россию, но по-своему, по-особому! Так и хочется продолжить мысль: мама, можно я тебя буду любить не просто и открыто, а по-особому, а на людях буду над тобой ёрничать? Понятное дело: права человека (то бишь свои права) и общечеловеческие (установленные по западному образцу) ценности любить выгоднее и приятнее. А тут любовь, по их меркам, безответная... Им это не понятно, как непонятен им Пушкин в послании “Клеветникам России”. Один из них ответил на мой вопрос: “А за что её любить? Родину? Зимой – снег, летом – гнус, осенью – хмарь, весной грязь и всегда нищета...”

Шацков и Мизгулин рифмуют свою любовь без оговорок, хотя и без партийного рвения и накала, любят её такой, какая она есть, такой, какая она будет, такой, какая была.

*И знать откуда было мне,
Что оборотни взгляды вперили
В то, что любил в своей стране —
Великой и больной империи.*

*Наверное, я верил зря
В то, что сейчас зовут застоем.
Но были книги и друзья,
А остальное все — пустое.*

*Лишь “Русь за нами!” — ратей крик
В дали мерещится туманной,
Лишь “Незнакомки” Блока лик
Манил в былое неустанно.*

А. Шацков

*Встрепенёт притихнувшую душу
Тот мотив знакомый и простой —
Выходила на берег Катюша,
На высокий на берег крутой...*

*Ох же и хлебнули мы отравы,
Закружилась круто голова,
Изменились времена и нравы,
Потускнели чувства и слова.*

*Нам привозят яблоны и груши
Из-за океанской стороны,
А голубоглазые Катюши
Нынче по Европе — в полцены.*

Д. Мизгулин

И если над страной случилась зима, что тут сделаешь? Что сделает русский человек? Перезимует. Осыплются, как жухлая листва, лживые пророки, дворники подметут политические программы, новый виток русской истории неприглядно ляжет в школьные учебники, и останется только Слово... Главное,

*...чтоб дубов железная листва,
Опавшая покровом плащаницы,
Мостила путь к началу Рождества
И выводила души из темницы.*

*Пусть в мельтешенье скоморошных дат
Незыблемо пребудет та, что свята
Пришедшим в журавлиный снегопад,
Когда метель по-птичьему крылата!*

А. Шацков. “Декабрь”

Для Мизгулина и Шацкого поэзия это не просто “служенье муз”, это поле духовной брани, где на протяжении драматической истории нашей страны мы потеряли не одну роту поэтов. И подобно “Я вернусь” И. Талькова, песне, которая стала прощальной, Андрей Шацков верит:

*Мы еще вернемся с той войны,
Где стихи — горящий край державы.*

*И пройдем по россыпи листов
Пасквилей, доносов и наветов
И не хватит Родине крестов —
Как наград посмертных для поэтов.*

Нет, их не мучает пресловутый вопрос Чернышевского “Что делать?”. И одноименную работу Ленина они в свое время, уверен, тщательно конспектировали. Со времён Петра мы ломались в Европу, то через прорубленное им окно, в которое налетело больше воронья, то шли, выламывая ворота под красным флагом, то — на плечах завоевателей России, то просто скулили под забором международного валютного фонда... А в Европу нас “не брали”, и сейчас не возьмут. Что делать? Спросите у русских поэтов, они знают...

*Опять не взяли. Слава Богу.
Давай, голубчик, запрягай,
И вновь проторенной дорогой
Спеши обратно в русский рай,*

*Где душу продувает ветер,
Где мрак и слёзы без конца,
В дом, где молитву шепчут дети
За возвращение отца.*

Д. Мизгулин

Это знание сопряжено с особым пониманием мессианского пути России. Это понимание отнюдь не сродни идее социалистической вакцинации всех стран, которую пытались навязать Советскому Союзу. Это знание о другой — удерживающей Россию. Удерживающей мир на краю апокалипсического времени и пространства.

*Здесь же всё останется, как было,
Это небо, роща и река,
Это многоликое светило,
Эти грозовые облака.*

*Не решай судьбу иных столетий,
Не гадай о будущем в тоске,
Слушай, как степной полярный ветер
Говорит на русском языке.*

Д. Мизгулин

Поэты задали тональность. И по известной русской традиции я обложился, как энциклопедиями, поэтическими сборниками, чтобы читать поэзию русской зимы. Достраивать к полученной терции трехзвучие, пятизвучие... Полифонию русской зимы. Читал Дмитрия Мизгулина, читал Андрея Шацкова, читал Михаила Федосеевича, читал Владимира Волковца, читал Михаила Тарковского... И мне не было холодно... В России, в Сибири, на севере, зимой...

*А за окнами — снег и тишь.
И на тысячи верст — зима.
Силуэты высоких крыш.
Снега белого кутерьма.*

*Одеваюсь в сенях не спеша,
Здесь никто зимой не спешит.
Ни к чему не лежит душа,
Ни к кому душа не лежит.*

Д. Мизгулин. “Зима”

*...Но в мире нет желанней болести
И нет прекраснее пути,
Чем по великой русской волости
Стезей осеннюю пройти.*

*Чтоб вновь успеть вернуться,
к зазимью
В юдоль отцовскую спеша,
Чтоб не упало небо на землю
И не обуглилась душа.*

А. Шацков. Дорога к храму

г. Ханты-Мансийск